

Иван Федорович Прийма*

К. филол. н. Преподаватель
Нижегородского государственного
лингвистического университета

Прегледни научни раг

УДК 821.161.1.09:271.2 327.56(4):940.531.4

DOI 10.7251/SIC2205015P

К.Н.ЛЕОНТЬЕВ И Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ: СПОР О ВЕРЕ И ПРАВОСЛАВНЫХ СЛАВЯНАХ

Аннотация: *В статье подробно разбираются основные темы дискуссии К.Н. Леонтьева с Ф.М. Достоевским. Длившаяся много лет, она обнажила принципиальные несогласия двух близких к церкви писателей в православно-католическом и славянофильско-западническом аспектах. Широкая православная и антипапская проповедь Достоевского; образы «старцев» в его творчестве, а также отношение к православным славянам и их исторической судьбе, подталкивали Леонтьева к более четкому формулированию его критической позиции по этим пунктам.*

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, Св. Амвросий Оптинский, Великий Инквизитор, новоправославие, униатство, славяне, славянофилы*

* priima-ivan@yandex.ru

Известно, что и Ф.М.Достоевский, и К.Н.Леонтьев, много писали о судьбе религий (прежде всего о православно-католической проблеме), о Восточном вопросе и о южных славянах. Если взгляды Достоевского довольно хорошо изучены, то леонтьевские лишь начинают изучаться; возможно, поэтому дело нередко доходит до недоразумений. Многие отечественные критики, начиная И.И.Фуделя и В.В.Розанова, числят К.Н.Леонтьева поздним славянофилом и на этом основании пытаются сблизить его с Ф.М.Достоевским. Схожее положение наблюдается среди все еще малочисленных иностранных леонтьевоведов: «Запад загнивает – с этим основным диагнозом согласны и ранние русские славянофилы, и Данилевский, Достоевский и Леонтьев...», – перечисляет сербский критик Б. Над¹. Аналогичных взглядов придерживается и С. Дакич, считающий Леонтьева славянофилом и последователем Н.Я.Данилевского². Поэтому первым недоумением, с которым столкнется читатель Леонтьева, будет его всегдашний конфликт со славянофилами: критика им А.С.Хомякова, И.С.Аксакова, «моего учителя» Н.Я.Данилевского, О.Ф.Миллера, более же всего – Ф.М.Достоевского, на основных точках спора с которым мы и намерены остановиться в статье.

Отметим сразу, что полемика была практически односторонней: на леонтьевские «возражения» Достоевский никогда публично не отвечал. Тем не менее, реакция его с довольно давних пор запечатлевалась на бумаге и в известном смысле сыграла роль аргументов. Не исключено, что до Леонтьева дошла критика из писем Достоевского к общим знакомым, таким как Н.Н.Страхов или К.П.Победоносцев. Впрочем, через тех же деятелей мог донестись и интерес оппонента к его личности, и положительный отклик на леонтьевские ранние, славянофильского направления, статьи³. Однако реакция Достоевского совершенно ясно обозначилась в

¹ Над, Б. Будущее славянской цивилизации // Славяне. Журнал международной славянской академии. 2020. №1(16), С.52.

² Дакић, С. Леонтјев: Православље као извор надахнућа за устројство државе и друштва. <https://naukaikultura.com/leontjev-pravoslavlje-kaio-izvor-nadahnuca-za-ustrojstvo-drzave-i-drustva/> 22.05.2021.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.29(1). Л.: Наука, 1986. С. 263-264; Его же. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.30(1). Л.: Наука, 1988. С.209-210.

1882 г., когда были посмертно опубликованы его записные тетради, включавшие отзывы о К.Н.Леонтьеве. При всем их небольшом объеме и невысокой доле критицизма, мыслитель счел это прецедентом для новых «дискуссий», и к концу жизни выпады в адрес покойного писателя приобрели массовый характер: за один 1891 г. только в письмах Леонтьев сделал их не один десяток. Разумеется, основными «доводами» Достоевского в этом своеобразном споре продолжали оставаться его творения, прежде всего «Дневник писателя» и «Братья Карамазовы», по поводу которых и открыл в 1880 г. публичную «полемику» Леонтьев (статья «О всемирной любви»).

Такое положение разделило исследователей на два лагеря: одни, зная о разногласии писателей, предпочитают его не замечать и даже посмертно «мирят» оппонентов; другие его заведомо акцентируют. Как в первом, так и во втором случае, основное ядро спора не затрагивается, главный же аргумент звучит следующим образом: все писанное Леонтьевым благословлялось святым, ведь он жил и писал «под руководством известного старца о.Амвросия»⁴. Так, О.Л.Фетисенко, *примиряющая* двух писателей, заявляет об их «неузнанном» и «глубинном родстве» и одновременно не устает умножать эпизоды *учительства* и *редакторства* преп. Амвросия Оптинского в леонтьевском творчестве («...со старцем подробно обсуждались не только биография о. Климента... или публицистические статьи, но даже сюжетные ходы беллетристических произведений»)⁵. Активный проводник теории *конфликта*, Л.А.Илюнина, сходится с ней в последнем пункте: «Старец не только не запретил Леонтьеву писательский труд, но даже настаивал на его продолжении. <...> Известно, что Леонтьев обсуждал со старцем основные тезисы своих статей, советовался с ним. Особое внима-

⁴ Фудель И.И. От издателей // Леонтьев К.Н. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни (по двум письмам), М., «Творческая мысль», 1912. С.3.

⁵ Фетисенко О.Л. Окрест Оптиной, Достоевский. Материалы и исследования. СПб, «Наука», 2005. Т.17. С. 161, 148,150-151. Несколько позднее, правда, О.Л.Фетисенко заняла иную позицию, недвусмысленно встав на сторону Леонтьева в его критике «розового» и «маргаринового» христианства «лже-пророка» Достоевского (См: Фетисенко О.Л. «Ревнители охранения обуреваемых святынь». О переписке К.Н.Леонтьева и Т.И.Филиппова // Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891). СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2012. С.34-40.

ние мы хотим обратить на статью 'О всемирной любви', которая написана по поводу знаменитой пушкинской речи Ф.М.Достоевского. То, за что почитатели Достоевского называли и называют его 'самым христианским нашим писателем' – 'проповедь всемирной любви' Леонтьев определяет как 'полухристианское, полуутилитарное всепримирительное стремление'. <...> Он раскрывает существенную неправду, даже антиевангельскую сущность мировоззрения, которое провозгласил Достоевский в Пушкинской речи»⁶.

Как видим, преп. Амвросий берется Л.А.Илюниной в соавторы наиболее популярной леонтьевской статьи, в которой Достоевский (воспользуемся ее словом) «бичуется» с учительских позиций. При этом исследовательница, по сути, калькирует современную церковную критику, тоже идущую в направлении увязки мировоззрения преп. Амвросия и Леонтьева: «Религиозно-философская деятельность К.Н.Леонтьева, готовность пожертвовать которой во имя иноческого послушания была выражена им со всей определенностью, не только не прервалась, но, удостоившись благословения оптинского старца Амвросия (чего нельзя сказать о трудах многих других русских религиозных писателей), получила значительный духовный импульс для своего развития в направлении церковном»⁷.

Еще одна группа исследователей, поддерживающая идею о тесном сотрудничестве мыслителя и старца (А.П.Дмитриев, В.Н.Дядичев, Е.В.Иванова, Г.Б.Кремнев), хотя и признает полную самостоятельность статьи «О всемирной любви», утверждает, что после ее выхода в составе «Наших новых христиан» (1882 г.) она была прочитана и удостоилась похвал старца Амвросия. А.П.Дмитриев превращает старца в судью финальной инстанции, который не только присуждает победу Леонтьеву, но и назначает штраф Достоевскому за последний роман: «отец Амвросий Оптинский, который, по общему мнению, был прототипом старца Зосимы, под-

⁶ Илюнина Л. А. Прп. Амвросий Оптинский – духовник Константина Леонтьева // https://ruskline.ru/analitika/2005/10/22/prp_amvrosij_optinskij_-_duhovnik_konstantina_leont_eva 10.07.2020.

⁷ Митрофанов Г.Н., протоиерей // <https://slovo-bogoslova.ru/theology/religiozno-filosofskie-vozzreniya-k-n/> 18.09.2020.

держал не Достоевского, а Леонтьева...»⁸. В подкрепление того же тезиса о тесном сотрудничестве, О.Л.Фетисенко заявляет о существовании особого «оптинского издания 1882 г.» книги Леонтьева об отце Клименте Зедергольме⁹ (книга создавалась параллельно статье «О всемирной любви»). В схожем ключе, А.П.Дмитриев изобретает *еще одно* автономное издание этой книги, которое, наряду с варшавским изданием 1880 г., якобы, имело место в Москве в 1880 году¹⁰. Таким образом, история «литературного сотрудничества» Леонтьева и Амвросия обрастает легендами, *служа при этом главным аргументом в оценке спора Леонтьева с Достоевским.*

Вышеуказанные мнения базируются на самосвидетельствах К.Н.Леонтьева и его племянницы, М.В.Леонтьевой, достоверность которых вызывает сомнения уже потому, что и первый, и вторая прибегали к литературным мистификациям. Леонтьев, к примеру, в своих письмах в газеты перевоплощался в женщину¹¹; племянница при необходимости становилась «матерью семейства, воспитательницей юного поколения», «интересующейся международными отношениями» – ради публикации хвalebного письма о дяде¹². Поэтому едва ли можно безоговорочно верить ей, когда через сорок лет она вспоминает, как носила леонтьевскую рукопись «жизнеописания о. Климента Зедергольма» на сверку старцу Амвросию и т. п.

Кстати, те же самосвидетельства содержат порой и в корне иную информацию. Так, Леонтьев отмечает в письмах к друзьям: «От. Амвросий давно уже почти ничего не читал... И если бы не Климент, то не знаю, к чему бы привели меня поездки в Оптину»¹³; «*Теорий* моих и вообще ‘на-

⁸ Дмитриев А.П., Дядичев В.Н., Иванова Е.В., Кремнев Г.Б. Примечания. Тетради с наклейками: <Преамбула> // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.320.

⁹ Фетисенко О.Л. Окрест Оптиной. С.146-147.

¹⁰ Дмитриев А.П. и др. Указ. соч. С.164.

¹¹ Леонтьев К.Н. Письмо к П.Е.Астафьеву //Восток, Россия и славянство. М., Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С. 235

¹² Русская женщина <М.В.Леонтьева>. Женщина – женщине о новой книге //В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.578,581.

¹³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. К.Н.Леонтьев // Константин Леонтьев: pro et contra. Книга 2. СПб.: РХГИ, 1995. С.16-17.

ших идей', как вы говорите, он (Старец Амвросий. – И.П.) не знает, и вообще *давно* не имеет ни времени, ни сил читать»; «Я написал эту статью, и так как От. Амвросий слишком занят с паствой и слишком физически расслаблен, чтобы утруждать его слушанием статьи, то я отвез ее нарочно за 7 верст отсюда – прочесть здешнему Предводителю Князю Алекс<сею> Дмитр<иевичу> Оболенскому...»¹⁴ Подобные признания всерьез колеблют теорию о соавторстве, редакторстве и тесном литературном руководстве.

О сотрудничестве же мыслителя со старцем в период работы над главным «возражением Достоевскому» не позволяет говорить сама хронология событий, изложенная мыслителем в письмах¹⁵. Характерна и следующая подробность: примечание Леонтьева по поводу московского издания «Наших новых христиан» 1882 г. гласит: «...мои взгляды... на Христианство – просто *Церковные; общие*, и я не дерзну ни за что отклониться от них... Статьи мои о Достоевском и Толстом я носил на *приватную* цензуру ученому московскому Протоиерею От. Иоанну Виноградову»¹⁶. Зачем действующему цензору Леонтьеву, помимо обычной, потребовалась *приватная* церковная цензура, – если его «взгляды» уже при первом издании были, якобы, одобрены Амвросием, который, по заявлениям мыслителя, являлся его *высшей духовной цензурой*? Позволим себе сформулировать промежуточный вывод: статья «О всемирной любви» (публиковавшаяся затем в составе «Наших новых христиан») писалась без всякого участия от. Амвросия и ни на каком этапе им не одобрялась. Напротив, громкие заявления, звучащие в ней *от имени церкви*, подверглись критике – для чего Леонтьеву и понадобилось при переиздании прикрыться мнением церковного цензора.

¹⁴ Леонтьев К.Н. Ошибка г.Астафьева // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.706.

¹⁵ К.Н.Леонтьев. Письма к К.А.Губастову // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.975.

¹⁶ Леонтьев К.Н. «Комментарий» / Фед. Гиляров. Дневник: новое сочинение К.Н.Леонтьева // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.450.

Еще один, и, несомненно, самый важный, аргумент против «соавторства» мыслителя и старца, касается *содержания статьи*. В писании Леонтьева обнаруживаются серьезные *прокатолические ноты*, вступающие в острое противоречие со взглядами св. Амвросия, которые ясно изложены в письмах преподобного, а также в «Трех сочинениях Старца Иеросхимонаха Амвросия (против Лютеран и Католиков), написанных им при жизни Оптинского Старца, Иеросхимонаха Макария (Иванова), и конечно с его благословения». Римокатолическая церковь в устах св. Амвросия предстает родоначальницей европейских ересей и неправильностей, таких как филиокве, «непогрешимость папы», неполнота причастия, «ненависть и презорство к иноверным»¹⁷. Особенно знаменательно его сочинение «Ответ благосклонным к латинской церкви о несправедливом величании папистов мнимым достоинством их церкви», где автор обличает православных русских, благожелательных к «частной римской церкви», к «папистам» и «папизу», ставящих Латинскую церковь в пример Православной, и говорящих о «необходимости искать соединения с нею»¹⁸. Ни одно явление не заслужило столь серьезных и многократных *обличений* св. Амвросия, как институция римской церкви и папская верхушка, а также «благосклонные» к ней православные.

Многие из мыслей Амвросия напрямую перекликались с трудами Ф.И.Тютчева, А.С.Хомякова, И.В.Киреевского, Ив.Аксакова, Ф.М.Достоевского, других славянофилов, в разное время посещавших Оптину и идейно тождественных с ее старцами. Своей вершины антипапизм достиг у Достоевского, который и художественно («Идиот», «Братья Карамазовы»), и публицистически («Дневник писателя») обнажил порочность римского учения. Леонтьев, казалось бы, должен был приветствовать столь глубокое обличение Европы, поскольку сам известен *ненавистью* к европейцам за

¹⁷ Амвросий, преподобный, оптинский старец. Собрание писем блаженных памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам / Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни, М.: Тип. А.П.Коркина, 1906. Часть 1. С.131-132; 137. При последовательном цитировании отрывков, находящихся на одной или смежных страницах, ссылка дается в конце последнего отрывка.

¹⁸ Там же. С.215, 221

их гордость и несмиренность¹⁹. За это же не жалует их с 1840-х гг. и Достоевский²⁰. Почему вместо единомыслия прозвучали «бичевания»? Каковы взгляды на предмет самого К.Н.Леонтьева? Является ли он в данном вопросе «соавтором» старцу Амвросию?

«Антиевропейство» Леонтьева совсем иного рода. Причина критики Европы выясняется по ходу статьи «О всемирной любви»: наряду с «ненавистью», мыслитель неожиданно демонстрирует сильные прозападнические тона. Наибольший антагонизм со старцем Амвросием и славянофилами возникает там, где Леонтьев выказывает пиетет к «Римской Церкви, Церкви всё-таки великой и апостольской», и обнажает подлинные корни своего *антиевропеизма*: «просто грех» любить Европу, которая «так жестоко преследует» Римскую Церковь. Леонтьев требует от Достоевского и всей русской литературы сочувствия к католицизму: «Отчего же в нашем обществе и в *безыдейной* литературе нашей не было заметно сочувствия ни к Пию IX, к кардиналу Ледоховскому, ни к западному монашеству вообще, теперь везде столь гонимому? Вот бы в каком случае могли совместиться и христианское чувство, и художественное, и либеральное»²¹. Напомним, Достоевский в «Дневнике писателя» подвергал сарказму и кандидата на папский престол М.Ледоховского²², и польских клерикалов в целом. В отношении же Пия Девятого ирония его соединялась с гневом, вызванным открытой антиправославной и антиславянской политикой этого «непогрешимого наместника Божия» во время балканских военных событий конца 1870-х гг.²³.

Если же верить контраргументу Леонтьева, «католики – это единственные представители христианства на Западе» и все лучшие русские люди обязаны сочувствовать им: «если бы Пушкин прожил дольше, то был бы за папу и Ледоховского»²⁴. В этой области, скорее всего, и крылось ос-

¹⁹ Леонтьев К. Н. О всемирной любви (речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике) // Ф. М. Достоевский и Православие. М.: Изд-во «Отчий дом», 1997. С. 261–264.

²⁰ Прийма И.Ф. Диккенсовская канва в романе Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Научный журнал. 2020. Том 13. Вып.6. С.68.

²¹ Леонтьев К. Н. О всемирной любви. С.293.

²² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.26. Л.: Наука, 1984. С.56.

²³ Его же. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.25. Л.: Наука, 1983. С.124.

²⁴ Леонтьев К. Н. О всемирной любви. С.293.

новное расхождение двух писателей. Леонтьев на самом деле не против всемирной отзывчивости и всечеловеческого единения, которые инкриминирует Достоевскому, но отзывчивость должна иметь определенный вектор. Вектор ее у Достоевского и других славянофилов «неправильный» – славянско-православный, и его необходимо переориентировать в сторону католицизма.

Через годы мыслитель облек аргументацию в ясную формулу, перефразирующую «Пушкинскую речь» Достоевского: «надо усилить христианство; надо возвеличить Христову Церковь; надо в ней слить воедино, чистоту предания (Православие), духовную властность (Рим) и хоть некоторую свободу богословского движения (протестантство)». Получающаяся экуменическая смесь, согласно Леонтьеву, – «гораздо яснее и тверже русского 'смирения', всеславянской 'любви', всечеловеческой 'гармонии' и т. д. <...> Россия, быть может, и в самом деле призвана сослужить именно *на этом поприще службу* всечеловечеству»²⁵.

Если решить, что инославный поворот дел – случайность, то придется неоднократно удивляться, например, преклонению Леонтьева перед римским папой (этим «остатком прежней... богатой духом Европы»), которого мыслитель исключает из числа ненавистных «современных европейцев». Сомнения вызовут и заклатья «русского охранителя»: «если бы я не был православным, то желал бы, конечно, лучше быть верующим католиком, чем эвдемонистом и либерал-демократом!!!...»²⁶. Действительно, «Грамотность и народность», «Четыре письма с Афона», «Храм и церковь», «Письма отшельника», «Мои воспоминания о Фракии», «Чем и как либерализм наш вреден», «Православие и Католицизм в Польше», «Отец Климент Зедергольм», «Письма о восточных делах», цикл «Записки отшельника», «Национальная политика как орудие всемирной революции»; «О Владимире Соловьеве и эстетике жизни» и многие другие работы – лишь подтверждают закономерность римских симпатий в творчестве К.Н.Леонтьева. По его мнению, римокатолическая церковь – «всё самое великое,

²⁵ Гражданин, газета политическая и литературная. 16 апреля 1888. №107.

²⁶ Леонтьев К.Н. О всемирной любви. С.294

изящное и святое»²⁷; «Католичество есть... одно из лучших орудий против общего индифференцизма и безбожия»²⁸; «Римский Католицизм нравится и моим искренно-деспотическим вкусам, и моей склонности к духовному послушанию, и по многим еще другим причинам привлекает мое сердце и ум»²⁹; «чего же еще могущественнее, самобытнее в истории... и влиятельнее, как папский этот Рим!»³⁰; «поэтому предоставьте мне бояться за все христианство, и за весь мир, когда я вижу, как глубоко потрясен католицизм, самый могучий, самый выразительный из охранительных оплотов общественного здания»³¹ и т. п. Православию он таких «всемирных» признаний не делал.

Вообще, сопоставление римокатолицизма и Православия крайне редко оборачивается у Леонтьева в пользу последнего: «мне жаль... что большинство нашего духовенства не имеет той ревности, которую имеет католическая иерархия...»; «Может ли сила этой веры в народе держаться *теперь долго без сильной организации нашей Церкви?*»³². Леонтьев упрекает Православие за отсутствие дисциплины, за «простонародность» монашества, за женатых священников, за недостатки в обучении мирян основам веры. Особо настораживает в его трудах еретическая идея о новой объединенной *католико-православной церкви, о полуправославии*, куда он мечтает перевести русских и славян: «отчего ж и не произойти *все тому же соединению Церквей?* <...> И такое соединение не будет уже, вероятно, иметь в себе вида ни знакомого и уже давно *данного* нам римского католичества, ни 'старого', так сказать, русского Православия, *неподвижного и безвластного*. А будет это Православие *полуновое*... исторически же и канонически *глубоко измененное* и широко над всем разросшееся»³³.

²⁷ Там же. С. 261–297.

²⁸ Леонтьев К.Н. Православие и Католицизм в Польше // Восток, Россия и славянство. М., Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.184.

²⁹ Его же. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни (по двум письмам), М., «Творческая мысль», 1912. С.8-9.

³⁰ Гражданин, газета политическая и литературная. 21 апреля 1888. №112.

³¹ Леонтьев К.Н. Православный немец. Оптинский иеромонах отец Климент (Зедергольм). Варшава: тип. Ивана Котти. 1880. С.63.

³² Там же. С.61.; Гражданин, газета политическая и литературная. 1 мая 1888. №120.

³³ Гражданин, газета политическая и литературная. 1 мая 1888. №120.

Руководствуясь подобными целями, Леонтьев приходит к мысли о созыве нового Вселенского Собора, даже нескольких – «которые мы... будем преспокойно считать Вселенскими и непогрешимыми... для того, чтобы решить, возможно ли или невозможно – это самое примирение с Католическим Западом?»³⁴. На «Вселенском соборе» он планирует избрать «своего» прокатолического патриарха³⁵; или, на крайний случай – «побережь с любовью это Православие... хотя бы и для того, чтобы лет через сто (положим) в случае неудачи самобытного развития церковных сил, нам было бы с чем (а не с пустыми руками безверия) и в Рим пойти»³⁶. Таким образом, Православие для мыслителя – явление локальное и временное: внешне он привержен ему, но лишь до той поры «пока не соберется Восточный Вселенский Собор с целью признать непогрешимость Папы и право на вставку в Никейский символ слова – *filioque*»³⁷.

Таковы в общих чертах постулаты католического, а точнее, униатского учения К.Н.Леонтьева³⁸. Создается впечатление, что Леонтьев вместе со своим другом и единомышленником Вл.С.Соловьевым вдохновлялся «Историей России с древнейших времен», написанной отцом последнего (С.М.Соловьевым), и планомерно популяризовал изложенный в ней польский «наказ» Лжедмитрию по «введению унии в Московское государство»³⁹ – естественно, переменив отрицательную оценку на положительную. Необходимо отметить и то, что все антипапские сочинения преп. Амвросия, о которых говорилось выше, были написаны в конце пятидесятых годов, то есть за десять с лишним лет до первого появления Леонтьева в Оптиной. Они входили в «золотой фонд» учения старцев, и «ученик» наверняка знал о них. Именно такое *полное расхождение во взглядах* и не

³⁴ Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т.; под ред. В. А. Котельникова. СПб., «Владимир Даль», 2009. Т. 8, кн. 2. 2009. С.204, 206.

³⁵ *Его же*. Избранные письма (1854-1891) // <https://litlife.club/books/285670/read?page=56> 10.09.2021.

³⁶ Гражданин, газета политическая и литературная. 1 мая 1888. №120.

³⁷ Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8, кн. 2. С.16.

³⁸ Подробнее об этом см.: Прийма И.Ф. Духовно-политические искания К.Н.Леонтьева. СПб.: ООО «ИПК Береста», 2022. 416 с. (Литературные персоналии).

³⁹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т.7-8. М.: Мысль, 1989. 752 с. С.481-486.

позволяет говорить о духовном родстве, соавторстве и редакции преп. Амвросия в леонтьевском творчестве (мы не берем к рассмотрению редкий случай, когда под леонтьевской статьей, краткой и касающейся общих сведений о вере, значилось: *писано по благословению Оптинского старца отца Амвросия. Март 1888 г. Оптина Пустынь*).

Но ведь и расхождение с Достоевским и остальными славянофилами имело ту же причину. Странно, как при таком кардинальном несогласии с «наставником», с учением Православной Церкви и основной массой православных публицистов Леонтьев дерзнул стилизовать свои нападки на Достоевского под церковное обличение: «пророчество всеобщего примирения людей о Христе не есть православное пророчество... Церковь этого мира не обещает, а кто 'преслушает Церковь, тебе пусть тот будет как язычник и мытарь'»⁴⁰. Профессор Московской духовной академии М.М. Дунаев указывал в связи с этим, что Леонтьев *не имел права* «говорить от имени Церкви»⁴¹.

К тому же обличитель нередко занимался передергиванием. В статье «О всемирной любви» он утверждал, что Достоевский «признает космополитическую любовь» и выдает ее за «удел Русского народа»; что речь Достоевского была «космополитической... выходкой»⁴². Однако в Пушкинской речи Достоевского нет ни «космополитической любви», ни вообще производных от слова «космополитизм». Подтасовка была необходима в целях клеймления оппонента как либерала и западника, так сказать, *безродного космополита*. Развивая собственный вброс, Леонтьев далее будет приписывать Достоевскому уже «сознательное служение космополитизму»⁴³ и одновременно с этим – множить собственные тезисы о всемирности и всеспасительности римской веры. В этом аспекте Леонтьев как нельзя более современен: он – прообраз сегодняшних православных мыс-

⁴⁰ Леонтьев К. Н. О всемирной любви С. 268.

⁴¹ Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 5-ти частях. Ч.3. М.: Христианская литература, 1997. С.553.

⁴² Леонтьев К. Н. О всемирной любви С. 263, 297.

⁴³ *Его же*. Епископ Никанор (о вреде железных дорог, пара и вообще об опасности слишком быстрого движения жизни)//Восток, Россия и славянство. М., Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.393-394.

лителей и даже первоиерархов экуменического толка. Борясь с «глобалистами» и «глобализмом», они, вслед за Леонтьевым, готовы примкнуть к такому старейшему проекту глобального мирского владычества, как римокатолицизм.

Симптоматично, что нынешние исследователи не хотят замечать активной прокатолической и западнической пропаганды Леонтьева, его схлестывания с Достоевским по вопросу мировой роли православия и папизма. Даже номинально-православные ученые, такие как прот. Г.Н.Митрофанов, В.А.Фатеев, М.А.Емельянов-Лукьянчиков, О.Л.Фетисенко, Л.А.Илюнина, Д.С.Кунильская и иже с ними, обходят молчанием леонтьевский филокатолицизм. Тем самым отвергается устойчивая церковная традиция критического, нередко и обличительного, подхода к леонтьевскому творчеству, которую заложили в своих трудах митр. Антоний (Храповицкий), прот. К.М.Аггеев, прот. И.В.Арсеньев, прот. С.Н.Булгаков, прот. Г.В.Флоровский, Н.С.Лесков и др. Аргументация сегодняшних православных критиков однобока: окормляемый старцем Леонтьев шел по «пути постоянного откровения помыслов, поста, внутреннего делания, ежедневного участия в богослужении и жизни по послушанию...», а «по отношению к Достоевскому нам сейчас необходимо помнить о том, что он никогда *не был бесстрастен* в своих произведениях». К тому же, Достоевский «сам сознавал... что он скорее изображает жизнь старца через свое восприятие. <...> Говорить... о том, что поучения старца Зосимы вполне соответствуют документально засвидетельствованным поучениям оптинских и других старцев, нельзя. Более того, можно говорить о серьезных расхождениях»⁴⁴.

Мы переходим здесь *ко второму пункту разногласий* – к образу *православного старца* в творчестве обоих писателей – и для начала поставим под вопрос требования ряда исследователей к Достоевскому: *быть всегда бесстрастным и документально свидетельствовать* поучения старцев – такое и очеркисту-документалисту вряд ли под силу. Но каков уровень этих качеств у Леонтьева? Близко общаясь с Амвросием, он мог дать более верное «изображения жизни старца», и беллетристическое, и документальное. Обратимся к его статье, посвященной смерти преп. Амвросия,

⁴⁴ Илюнина Л.А. Оптина пустынь – обитель вдохновения. СПб.: «Контраст», 2015, С.27, 29.

которая вышла в «Гражданине» под названием «Оптинский старец Амвросий». Некролог получился весьма объемный, примерно восемь страниц печатного текста, но собственно леонтьевских в нем несколько строк: около десяти в начале и чуть больше в конце. Основное содержание письма – пространное цитирование чужих корреспонденций, жизнеописаний и стихов, посвященных Амвросию. В собственных двадцати строках автор не находит ничего лучшего как свести счеты с коллегами по писательскому цеху: «Ведь мы все: и Вы, князь (В.П.Мещерский, издатель «Гражданина». – И.П.), и я, недостойный, мы все ‘верующие’ – православные христиане: не будем же более радовать мелкими раздорами нашими наших общих врагов, которые не дремлют, как Вы видите, и восстают с разных сторон, и в новых видах, и с новым, разнородным оружием (Вл. Соловьев, Л. Толстой, разные ученые специалисты и даже Н. Н. Страхов, явившийся недавно жалким защитником Ясно-Полянского юрода)! Неужели добросердечность, неужели ‘мораль’ будут уместны везде, кроме литературы? Неужели только в литературе, под предлогом службы ‘идеям’, будут разрешены и похвальны всякая злопамятность, всякая желчь, всякий яд, всякое упорство и всякая гордость, даже из-за неважных оттенков в этих идеях? Нет! Не верю я этому! Не хочу верить – несправимости этого зла! <...> Здесь же я, в заключение, позволю себе напомнить, что многие думают, будто отец Зосима в ‘Братьях Карамазовых’ Достоевского более или менее точно списан с отца Амвросия. Это ошибка. От.Зосима только наружным, физическим видом несколько напоминает от. Амвросия, но ни по общим взглядам своим (наприм., на перерождение государства в Церковь!), ни по методу руководства, ни даже по манере говорить – мечтательный старец Достоевского на действительного Оптинского подвижника не похож. Да и вообще от.Зосима ни на какого из живших прежде и ныне существующих русских старцев не похож. Прежде всего все эти старцы наши вовсе не так слащавы и сентиментальны, как от.Зосима. От.Зосима – это воплощение идеалов и требований самого романиста, а не художественное воспроизведение живого образа из православно-русской действительности...»⁴⁵.

⁴⁵ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т.; под ред. В. А. Котельникова. СПб., «Владимир Даль», 2003. Т. 6. Кн. 1. С. 805, 816.

В конце статьи ясно прочитывается перешедшая к Л.А.Илюниной претензия по поводу отсутствия у Достоевского документальности и чересчур личного восприятия старчества. Но у нее была и другая претензия – по поводу «бесстрастности». Распространим ее на Леонтьева: бесстрастен ли он в цитированной статье, бросая едкие упреки Л.Н.Толстому, Н.Н.Страхову, покойному Ф.М.Достоевскому и используя для этого фигуру почившего старца? Сводя счеты с Достоевским, Леонтьев в концовке с упорством и желчью повторяет давно пройденный материал, который изложил еще десять лет назад в статье «О всемирной любви», где критика романа Достоевского куда пространнее, чем теперешняя: «В 'Братьях Карамазовых', – заявлял тогда Леонтьев, – монахи говорят не совсем то или, точнее выражаясь, совсем не то, что в действительности говорят очень хорошие монахи и у нас, и на Афонской горе, и русские монахи, и греческие, и болгарские»⁴⁶.

Но как тогда говорят «настоящие монахи»? «О. Климент» в пересказе Леонтьева выходит достаточно безликим и зачастую вторит идеям и темам автора; к тому же, при всем почтении, подлинным *старцем* сорокавосьмилетнего иеромонаха не назовешь. Даже в афонских письмах Леонтьевым столь малое место уделяется старчеству и столь большое (как ни странно) «коммунистам», что не удается составить представление ни о монашеских взглядах, ни о манере говорить. Можно констатировать, что, постоянно бракуя персонаж Достоевского, портрет *настоящего* православного старца (старца Амвросия или собственного «старца Зосимы»), Леонтьев не создал. В еще одном письме – частном и доверительном – он высказался о своем «духовном наставнике» несколько обширнее. Но и этот некролог вышел странным: «Кончина моего старца от. Амвросия не застала меня врасплох; он был так слаб, что я дивлюсь, как он мог еще дожить до 79 лет. Я столько лет ждал со дня на день его смерти, что теперь ничуть этим не поражен. <...> Мое чувство к нему было более духовного оттенка; я его слушался... но так страстно, как другие, привязан к нему не был»⁴⁷. Или

⁴⁶ Леонтьев К. Н. О всемирной любви. С.281.

⁴⁷ *Его же*. Письма к В.В.Розанову // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.147-148.

в других письмах: «отец Амвросий ничуть не удовлетворял меня. Слова его, всегда очень краткие, спешные, *элементарные*, на меня мало действовали. <...> у него, *видимо*, не было тех философских и богословских наклонностей, которые были в высшей степени сильны у Иеронима... <...> От Амвросий ничего не рассуждал, все торопился, все просил говорить короче и уходить скорее. <...>. В от. Амвросии я нашел только практический ум, только руководителя»⁴⁸. Характерно поэтому и *нежелание* Леонтьева создавать собственный портрет старца: «Сам теперь *серьезного* об нем писать не собрался»; «Писать, однако, я теперь об нем не буду. <...> Когда... сам разберусь в мыслях и чувствах моих, то увижу (через год например) – могу ли я писать о нем или не могу»⁴⁹.

Подведем итог «эпитафиям» и «зарисовкам». Даже та, что готовилась в немедленную печать, свидетельствует, что писал её человек *страстный*, или (если воспользоваться самохарактеристикой Леонтьева) «взбешенный»⁵⁰. Похоже, Леонтьев не мог сдержать того, что Н.С.Лесков охарактеризовал в нем как «яд нетерпимости»⁵¹. Повод для выплескивания яда был выбран неудачный: настроение людей, слышавших о кончине Амвросия, можно описать как всенародную скорбь. К чему было вызывать в них гнев, злобу, досаду? Встает и такой вопрос: при чем здесь вообще умерший десятилетие назад Достоевский? Он ведь не претендовал на «документально засвидетельствованное» описание; более того, – ни разу не упомянул в романе ни Оптину пустынь, ни старца Амвросия; да и вообще старец Зосима – собирательный образ... Если Зосима «ни на какого из старцев не похож», зачем спустя годы вновь оспаривать столь *ходульный персонаж*? Бросается в глаза и то, что недовольство Амвросием в письмах Леонтьева почти не уступает недовольству Зосимой...

⁴⁸ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. К.Н.Леонтьев // Константин Леонтьев: pro et contra. Книга 2 / Сост., послесловие А.А.Королькова, сост., примеч., прил. А.П.Козырева. СПб.: РХГИ, 1995. 704 с. С.16-17.

⁴⁹ Фетисенко О.Л. Окрест Оптиной. С.150.

⁵⁰ Леонтьев К.Н. Письма к В.В.Розанову. С.148.

⁵¹ Лесков Н.С. Граф Л.Н.Толстой и Ф.М.Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) //В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.453.

Отметим здесь, что леонтьевское мнение о «нецерковности» Достоевского и «непохожести» его образа на подлинных старцев было опровергнуто высказываниями самих оптинских монахов⁵², православных иерархов, таких как митрополит Антоний (Храповицкий), и, что всего важнее, мнением святых, в частности св.Философа (Орнатского), св.Николая (Велимировича), св.Иустина (Поповича)⁵³. Антоний Храповицкий уже в начале 1890-х гг. оспаривал церковность взглядов Леонтьева и открыто опирался на Достоевского, которого называл «гений, христианин, славянофил, народник, психолог, философ»⁵⁴. Его оппонента Антоний сверстывал в «религиозно-сословные консерваторы псевдо-аскетического направления, вроде Елагина, Леонтьева и т. п., любивших говорить о страхе, но не о любви»⁵⁵.

Нынешними литературоведами замалчивается факт возмущения, которое вызвали леонтьевские нападки на Достоевского. Количество положительных отзывов на «Наших новых христиан» *стремится к одному*, в то время как отрицательных множество: тут и священник Иоанн Соловьев, и С.А.Пономарев, и Ф.А.Терновский с Н.С.Лесковым. Последний, несмотря на непростые отношения с покойным Достоевским, ответил Леонтьеву гневной отповедью на обвинения писателя в «ереси». «Обличая в ересях Достоевского... – указывал Лесков, – К.Леонтьев верит или старается уверить других, что сам он утверждает на основании правом и незыблемом», однако от чувств его «отдает не любовью Христа, а любо-

⁵² См.: Памяти Достоевского. Внутренние известия. Местные. Из Козельска, Калужской губ. // Современные известия. 9 февраля 1881. №39.; Захаров В.Н. Из забытых мемуаров. П.Матвеев о Ф.Достоевском, Н.Страхове, Л.Толстом // Неизвестный Достоевский [Электронный ресурс] : международный электронный журнал. 2016. № 1. С.67.; Беловолов Геннадий, протоиерей. Достоевский и Оптина Пустынь // <https://Pravoslavie.ru/100899.html> 30.03.2021.

⁵³ Прийма И.Ф. Славянская идея в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского. СПб, ИПК «Береста», 2020. С.20-22,293-303.

⁵⁴ Антоний Храповицкий, митрополит. В день памяти Достоевского // Ф. М. Достоевский и Православие. М.: Изд-во «Отчий дом», 1997. С. 46.

⁵⁵ *Его же*. Как относится служение общественному благу к заботе о спасении своей собственной души? // Полн. собр. соч.: В 3 т. Издание 2-е. С.-Петербург, Издание И. Л.Тузова, 1911. Т.2. С. 528,535-537.

вью Торквемады. Тут слышен запах противной гари костров...»⁵⁶. В начале 20 в. священник К.М.Аггеев в самом капитальном на тот момент труде о Леонтьеве объяснил подлинную церковность христианства Достоевского и «ветхозаветность» веры Леонтьева. «Логически развитое учение К.Н.Леонтьева ведет к главному догмату католицизма – главенству и непогрешимости папы», - указывал о.Константин и заключал: «Ограниченность религиозного миропонимания у К.Н.Леонтьева делается прямым религиозным преступлением, когда он свою религиозную доктрину настойчиво до фанатизма выдает за подлинное христианство, самым резким образом осуждая иные понимания его»⁵⁷.

Итак, если главный пункт претензий Леонтьева к Достоевскому касался *мировой роли Православия и римокатолицизма*, то второй важнейший пункт состоял в недовольстве *образом православного старца*, который создал автор «Братьев Карамазовых». Не забудем, однако, что в романе противопоставлялись два типа старцев. Не только у Алеши, но и у Ивана есть свой старец – подспудно внушает Достоевский, рисуя Великого Инквизитора⁵⁸. Зосима, как мы видели, Леонтьеву не нравился, хотя собственный образ православного старца он создать был не готов. Посмотрим, как обстоит дело со старцем католическим.

В «Отце Клименте», обращаясь к вопросу старчества, Леонтьев предлагает рассматривать это восточно-православное явление с точки зрения католицизма, объясняя, что в католической церкви старчество *тоже присутствует*; даже более того, – что восточные старцы якобы *вторичны* по сравнению с западными: «старец у нас есть именно то, что у католиков называется 'directeur de conscience'». Далее происходит невиданная в русской литературе вещь: Леонтьев сознательно смешивает черты православного старчества с практикой папизма, пытаясь оправдать безоговорочное под-

⁵⁶ Лесков Н.С. Граф Л.Н.Толстой и Ф.М.Достоевский как ересиархи. С. 470.

⁵⁷ Константин Аггеев, священник. Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н.Леонтьевым понимания христианства. Киев: Типография «Петр Барский», 1909. С. V-VI., IX, 326.

⁵⁸ См. обэтом: Прийма И.Ф. Диккенсовская канва в романе Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Научный журнал. 2020. Том 13. Вып.6. С.67.

чинение католиков папе: «Я верю не в то, чтобы духовник или старец этот был безгрешен (Безгрешен только Бог; и святые падали), ни даже что он судом своим непогрешим (это тоже невозможно). Нет! Я с теплою верой в Бога, и в церковь, и, конечно, с личным доверием к этому человеку за его хорошую жизнь прихожу к нему, и что бы он мне ни ответил на откровение моих тайных даже помыслов, я приму покорно и постараюсь исполнить»; неправильно было бы «думать, что подобное отношение к духовнику есть исключительно католическая черта и православию совершенно чуждая»⁵⁹.

То есть: католики верят в папу как в «добротого старца», вовсе не веря в его «непогрешимость», и подчиняются ему исключительно из собственного смирения; в Православии отношение к старцам такое же, поэтому не надо придирааться к догмату о непогрешимости. В этих рассуждениях папа римский выставлен первообразом старчества, а декорациями оттеняющими его портрет служат зарисовки *неправильностей* Православия: «наша распущенность, общая и мирянам и духовенству; наше равнодушие <...> – вот в чем причина сравнительной слабости у нас духовного руководства...»⁶⁰. Сугубую дисциплину и рационализм римской церкви, обличаемые славянофилами, Леонтьев возводит из ошибок в добродетели. Вспомним: в «Братьях Карамазовых» дисциплина католической паствы такова, что позволяет бросить в темницу Самого Христа – по велению Великого Инквизитора: «до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ»⁶¹.

«Г. Леонтьев не предлагает никаких мер к поднятию у нас старчества, ограничиваясь указанием на католиков, у которых оно, по его мнению, существует... - писал на это в «Церковном вестнике» А.П.Саломон. - Мы... затрудняемся вполне отождествить наших старцев с католическими, как это делает автор, включая в это число хитрых иезуитов. ...Старчество у нас есть явление безыскусственное, свободное от регламентации... между тем как в католичестве оно... искусственное». Далее Саломон противопо-

⁵⁹ Леонтьев К.Н. Православный немец. С.25-26.

⁶⁰ Там же, С.25.

⁶¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.14. Л.: Наука,1976. С. 227.

ставлял леонтьевскому пониманию трактовку Достоевского с его образом старца Зосимы⁶².

Однако обрисовка «католического старца» только еще начиналась. В работе «Православие и Католицизм в Польше» (1882), критикуя статью профессора Санкт-Петербургской духовной академии М.О.Кояловича, Леонтьев продолжает защищать католические «аскетизм и оптимистический пессимизм мировоззрения; сильную власть духовенства; развитие духовничества и старчества»⁶³. Окружив себя разного рода католическими «аскетами»⁶⁴, Леонтьев любит «всеми этими разнообразными монахами с капюшонами и в широких шляпах», «пышными процессиями», красными кардиналами». Умиление доводит писателя до боязни «за все христианство, и за весь мир, когда я вижу, как глубоко потрясен католицизм, самый могучий, самый выразительный из охранительных оплотов общественного здания»⁶⁵. Кстати, на пути католических аскетов встает и такое препятствие как «учреждение семейного духовенства в Восточной церкви», ведь это сословие «само по себе взятое, есть, конечно, уже некоторый источник слабости»⁶⁶, более того, - «расположено у нас <...> к протесту, т.е. именно к тому, что при неосторожности и к Протестантству ведет»⁶⁷. Кажется, в этом смысле неслучайно леонтьевское склонение головы перед папой Григорием Седьмым, утвердившим в католицизме целибат. В творчестве Леонтьева выстраиваются ряды пап и кардиналов, перед которыми он благоговеет: «Пусть “Вестник Европы” не может сочувствовать мистическому стремлению в Рим; он Вестник не действительно великой Европы Григория VII, Иннокентия III и Пия IX; он Вестник другой Европы – новейшей (в смысле времени), дряхлейшей (в смысле разло-

⁶² А.С. <А.П.Саломон>. Что такое старчество // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.447-448.

⁶³ Леонтьев К.Н. Православие и Католицизм в Польше. С.177.

⁶⁴ Его же. Письма к В.В.Розанову. С.111.

⁶⁵ Его же. Православный немец. С. 63.

⁶⁶ Его же. «Перелом» Б.М.Маркевича //Восток, Россия и славянство. М., Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.246.

⁶⁷ Его же. Свобода проповеди //Восток, Россия и славянство. М., Типо-литография И. Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.410.

жения), он Вестник Запада легально революционного, прилично мещанского и плоско отрицательного»⁶⁸. Вновь отметим, что Пий Девятый был регулярным отрицательным героем «Дневника писателя»: Достоевский с иронией портретировал его как «блаженнейшего папу, непогрешимого наместника Божия», по «непогрешимому определению» которого «турки все же лучше русских еретиков, не признающих папу»⁶⁹.

Превалирование католических старцев над православными у Леонтьева неуклонно ширилось, пока не породило, наконец, образ *главного вселенского старца – папы римского*. В письме-трактате «О Владимире Соловьеве и эстетике жизни» читаем: «мне лично Папская непогрешимость ужасно нравится! ‘Старец старцев!’ Я, будучи в Риме, не задумался бы у Льва XIII туфлю поцеловать, не только что руку»⁷⁰. Сцена проигрывается вновь и вновь и, развившись, включает в себя не только главного героя, но и (на заднем плане) смирившееся «Восточное духовенство»: «Я Византию и ‘Фанар’ предпочитаю Риму и буду предпочитать, до тех пор пока все Восточное духовенство не велит нам смириться перед Св. отцом – преемником Петра! Но я и теперь готов с радостью (не изменяя Восточному догмату) поцеловать у Льва XIII туфлю»⁷¹. Образ стал собирательным, свидетельством чему низкопоклонство уже перед новым папой, Львом Тринадцатым, сменившим на посту Пия Девятого.

Увы – этот образ не мог преодолеть даже дружеской цензуры. С.Ф. Шарапов пишет Леонтьеву в письме 1888 г.: «Ужасно негодовал на Вас за папу – старца!!! Господи! Да что же общего между условным покаянием у иезуита и покаянием у старца? Вы удивительно подкупаетесь внешней стройностью. Да ведь это же мерзость католическая организация!»⁷². Такие несогласия не выходили за пределы переписки, но подсказывали мыслителю, что грядущая критика может возыметь печальные последствия,

⁶⁸ Гражданин, газета политическая и литературная. 11 апреля 1888. №102.

⁶⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.25. С. 124.

⁷⁰ Леонтьев К.Н. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни. С. 8.

⁷¹ *Его же*. Переписка К.Н.Леонтьева и И.И.Фуделя // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель. Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб.: Владимир Даль, 2012. С.90.

⁷² Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8, кн. 2. 2009. С.1317.

учитывая готовящееся пострижение. Перед глазами был пример П.Я. Чаадаева, в свое время тоже начинавшего с любования «папой-старцем»⁷³ и в итоге официально объявленного сумасшедшим – с врачебным надзором. Вот почему текст о «старце старцев», не опубликованный Шараповым в «Русском деле», пересылается мыслителем И.И. Фуделю и публикуется двадцать лет спустя после смерти автора.

Под конец жизни окончательно выкристаллизовалось то, чего Леонтьев не мог простить Достоевскому заодно с «неверным образом» *православного старца Зосимы*. Это был неверный, с его точки зрения, образ католического старца, – как реального (в «Дневнике писателя»), так и романного (Великий Инквизитор). Леонтьевым предпринимались попытки создать ему антитезу в виде величественного католического «старца старцев». Заметим, что в «Поэме о Великом Инквизиторе» не все готовы замечать критику римской веры. Снятием обвинений с католицизма славится клерикальная критика (например, С. Капилупи, с опорой на папу Бенедикта Шестнадцатого и кардинала Каспера, продвигает тезис о некатолической адресации антикатолической критики Достоевского⁷⁴); *размытием адресности* обличений Достоевского заняты и некоторые православные исследователи, такие как публицист из США Дмитрий Григорьев⁷⁵. Леонтьев же недвусмысленно воспринимает образ «Великого Инквизитора» как критику высшей католической иерархии. Не камуфлируя намерений Достоевского, он частично признает верность образа, но далек от благодарности за него, ибо *оправдывает этот наиболее отрицательный типаж романа*: «оттенки самого Дост. в его взглядах на католицизм и вообще на христианство ошибочны, ложны и туманны»; «Ведь я, признаюсь, хотя и не совсем на стороне 'Инквизитора', но уж, конечно, и не на стороне того безжизненно-всепрощающего Христа, которого сочинил сам Достоевский.

⁷³ Чаадаев П.Я. Философические письма: Статьи. Афоризмы. Письма; комментарии и послесловие Б.Н.Тарасова. М.: Эксмо, 2006. С.274.

⁷⁴ Капилупи, С. М. «Трагический оптимизм» христианства и проблема спасения: Ф. М. Достоевский. СПб.: Алетеия, 2013. С. 13-14.

⁷⁵ Григорьев Д. Д., протоиерей. Достоевский и церковь. М.: Изд-во Правосл. Св.-Тихон. богосл. ин-та, 2002. С. 68.

<...> *Действительные* инквизиторы в Бога и Христа веровали, конечно, *по- сильнее самого Фед<ора> Мих<айлович>*. ...Фед<ор> Мих<айлович> хочет унижить католичество»; «Великому Инквизитору, позволительно будет, вставши из гроба, показать тогда язык Фед.Мих.Достоевскому» и т. п.⁷⁶

Некоторые подобные строки свидетельствуют о неглубоком проникновении в идеологию романа: «Ив<ан> Карамазов, устами которого Фед<ор> Мих<айлович> хочет унижить католичество, – совершенно неправ»⁷⁷. Между тем, в реальности Иван не унижает, а, наоборот, в идеал возводит Великого Инквизитора, который в учении своем дошел до необходимости устранения Бога. Иван – воплощение его *католической идеи*: рационального и презрительного отношения к людям, скорого суда над ними, результатом чего становится отцеубийство, в котором сам Иван выступает своего рода «Великим Инквизитором» (он обвиняет и приговаривает, а Смердяков исполняет). При известном недопонимании замысла романиста, основную свою мысль Леонтьев проводит четко, возвращаясь из мира литературных образов в реальный исторический: «Инквизиторы, благодаря *общей* жестокости века, впадали в ужасные и бесполезные крайности; но крайности религиозного фанатизма объяснять безверием – это уж слишком оригинальное ‘празднословие’. Если христианство – учение божественное, то оно должно быть в одно и то же время и в высшей степени *идеально*, и в высшей степени *практично*. Оно таково и есть в форме *старого* церковного учения (*одинакового* с этой стороны и на востоке, и на западе). А какая же может быть практичность с людьми (даже и хорошими) без некоторой доли *страха*? <...> Разница между православием и католичеством – велика со стороны *догмата*... но со стороны *церковно-нравственного духа* различия очень мало; различие главное здесь в том, что *там* все ясно, закончено, выработано до сухости; а у нас недосказано, недоделано, *уклончиво*...»⁷⁸.

⁷⁶ Леонтьев К.Н. Письма к В.В.Розанову. С. 82-83,95-96,111.

⁷⁷ Там же. С.96.

⁷⁸ Леонтьев К.Н. Письма к В.В.Розанову. С.95-96.

Таковы предсмертные мысли *православного монаха* Леонтьева. Он тщится оправдать убийства как практическое воплощение веры инквизиторов (так сказать, *оправдание веры делами*), одновременно утверждая, что и сами эти дела – свидетельство веры (*оправдание дел верой*), упуская при этом, что «и бесы веруют, и трепещут»⁷⁹. В леонтьевской небесно-земной (идеально-практической) теории страходисциплины «дух свыше» ищет строгого порядка в стаде (т.е. церковного единства) и требует насилия над «заблудшими», каковое и положено совершать – и для общественного, и для личного спасения. Отклонения от такого «*церковно-нравственного духа*» наблюдаются в Православии, где всё «недоделано и уклончиво» (т.е. нет «святой инквизиции» как прямого оправдания расправы над *схизматиками*).

Леонтьев предчувствовал, что схизматики-отпаденцы непременно встретятся на пути к «Православию *полуновому*, исторически и канонически глубоко измененному». Начальным этапом в борьбе с ними должна была стать пропагандистская деятельность: «лет через 10, 20... учение (при слабой по-прежнему организации нашей учительствующей Церкви (Имеется в виду Русская Православная Церковь. – *И.П.*) приобретает множество молодых, *искренних* и энергических прозелитов <...>. Из общества идеи просачиваются понемногу и в *духовные училища*, и ко *Двору*. NB. Мы видели, что в настоящее время Хомяковские *оттенки* (по-моему неправильные и в некоторых отношениях *полу-протестантские*) просочились уже в *духовные Академии*»⁸⁰. Пусть в битве берут верх славянофилы, но она, считает Леонтьев, далеко не проиграна: «Вообразите, что в духовных Академиях не удовлетворяются более 'сладким' туманом Хомякова (Сравни с «розовым христианством» Достоевского. – *И.П.*) и спрашивают себя: 'Ну, а дальше что?'. Вообразите при этом всё большее и большее сближение с *Католическими* Славянами <...> И если таким образом через 20-25 лет те семена, которые Соловьев сеет теперь с такой борьбой, с такой,

⁷⁹ Библия, или книги Священного Писания Ветхого или Нового Завета, в русском переводе. М.: Православное Братство святых князей Бориса и Глеба, 2003. С.1139.

⁸⁰ Леонтьев К.Н. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни. С. 10.

допустим, хитростью и даже несимпатичной злобой, начнут приносить обильную жатву <...>, то разве не простят ему все его *извороты*, или его мечтательные бредни?»⁸¹

Следующим этапом планировался переход к церковной революции, где «врагам народа» был уготован незавидный конец: «если совокупность всех выше перечисленных условий приведет... к соединению Церквей под Папой – то скорее может случиться, что русские, в одно и то же время столь расположенные к *мистическому подчинению*, и столь неудержимые в страсти разрушать, столь бешеные, когда они одушевлены, – скорее, говорю я, может случиться, что эти русские паписты не только не будут кротки... а *положат лоском* всю либеральную Европу к подножию Папского престола; дойдут до ступеней его через потоки европейской крови»⁸². Весь «пургаториум» индульгируется Леонтьевым заранее. Цель оправдывает средства. «Счастье миллионов» *верных папистов* оправдывает выпущенные «потоков крови» *неверных*. Кровавая риторика окатоличивания (заявившая себя позднее в польской программе ревиндикации, в усташеской Хорватии, в фашиствующей части Украины), несомненно, достойна Великого Инквизитора.

Мы подошли к четвертой важнейшей точке разногласий Леонтьева с Достоевским, которую можно обозначить как *отношение к славянам*. Она напрямую соотносится с деяниями *бешеных, кровавых папистов-инквизиторов* и их жертв – *безбожных либералов*. Если на роль первых Леонтьевым «справедливо» планировались католические славяне (например, поляки, готовые, к удовлетворению мыслителя, «перевешать» русских «нигилистов» «тотчас же после выделения мечтательного царства Польского»⁸³), то их жертвами – *буржуазными демократами* – вполне «законно» становились славяне православные. Вот почему когда Достоевский в «Дневнике...» писал о турецких славянах: «Мать-Россия новых родных деток нашла, и раздался ее великий жалобный голос об них...»⁸⁴, публика

⁸¹ Там же. С. 11.

⁸² Там же. С.12.

⁸³ Леонтьев К.Н. Православие и Католицизм в Польше. С.183.

⁸⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т.23. Л.: Наука, 1981. С. 101-102.

могла прочесть и леонтьевское: «Что такое Славизм? Ответа нет!»⁸⁵. Если первый заявлял о «великом новом слове, которое Россия, во главе союза славян, скажет Европе»⁸⁶, второй заключал о южных славянах: «хуже славяне тем, что они все сплошь либералы, конституционалисты и демократы... <...> Этим-то они хуже даже итальянцев, французов и немцев-бюргеров...». При этом католических славян, особенно поляков, Леонтьев по понятным причинам выгораживал. Следовало настораживающее обобщение: «славизм погиб навсегда, растаял, вследствие первобытной простоты и слабости своей»⁸⁷.

Оба писателя понимали, что за Русско-турецкой войной 1877-78 гг. стоит православно-католическое столкновение, но относились к этому противоположно. Достоевский предсказывал возрождение на карте мира христианских государств, считал, что на Балканах «разрешится тысячелетний вопрос римского католичества» и на его место «станет возрожденное восточное христианство», что «бой окончится в пользу Востока, в пользу Восточного союза»⁸⁸. Леонтьев, сколь ни пытался под конец войны примкнуть к официальной линии, никак не мог отказаться от всегдашних своих симпатий к Турецкой империи и тесно союзничавшему с ней Ватикану, а значит, и от враждебности к православным славянам. Достоевский своим «Дневником писателя» пробуждал в публике наибольшие славянские симпатии, что и провоцировало нападки Леонтьева, который уже с 1870-х гг. называл подобные усилия русской печати «нежностями» и «сердобольным братским нытьем»⁸⁹. Неслучайно в статье «О всемирной любви» оспорены не только «Карамазовы» и Пушкинская речь, но и славянская проповедь «Дневника...», – та «не слишком новая мысль о 'смирении' и о

⁸⁵ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, Университетская типография. 1876. С. 31.

⁸⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Т.25. С. 197.

⁸⁷ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. С. 50.; *Его же: Письма о восточных делах // Восток, Россия и славянство*. М., Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1885. Т.1. С.304, 307-308.

⁸⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т.26. С.15-23.

⁸⁹ Леонтьев К.Н. Панславизм на Афоне // *Восток, Россия и славянство*. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1885.Т.1. С.60.

примирительном назначении славян (составляющем, за неимением пока лучшего, будто бы нашу племенную особенность)»⁹⁰.

Нелишне будет разграничить «искание Константинополя» одним и другим автором. Если Достоевский уже с 1850-х гг. трактует Россию как правопреемницу Византии и объясняет ее нацеленность на Царьград желанием навеки прекратить «муки братьев нам единоверных и стон церквей в гоненьях беспримерных», считая такой шаг частью программы по сбережению «всего вселенского Православия» и гарантией независимости освобожденных восточных христиан⁹¹, - то у Леонтьева по поводу Константинополя другие планы (высказанные, в частности, в беседе с Вл.С. Соловьевым): «Я говорю: 'Во всяком случае и для того, чтобы Ваше соединение Церквей осуществилось, русские захотят прежде всего испытать централи<за>цию Вост<очной> Церкви в Царьграде. <...> Нужно, чтобы эту Вост<очную> централиз<ацию> испытали на деле - и разочаровались бы; тогда пойдут и в Рим'. - А он: 'Я против этого опыта ничего не имею. - Мое мнение *теперь* то, что вы правы относительно Царьграда; - его *надо* взять и перевести туда Папу. - Это тем более осуществимо, что Царьгр<ад> зовут *Новый Рим*'»⁹².

Необходимо поэтому различать два существенно разных подхода: мнение о «югославянах» К.Н.Леонтьева и «Одно совсем особое слово о славянах, которое мне давно хотелось сказать» Ф.М.Достоевского из «Дневника писателя» 1877 г. И там и здесь, на первый взгляд, звучит критика славян, и неслучайно Леонтьев к концу 1880-х ухватился за эту главу «Дневника...» как за момент возможного единомыслия: это единственное место, которое он у Достоевского без обиняков хвалит и подверстывает к собственным чувствам: «он даже *тогда* предсказывал, что болгары будут неблагодарны нам. Предсказывал это и я, положим, в то же время; но ведь я прожил в Турции 10 лет и *видел*, что *такое* болгары!»⁹³. В схожем

⁹⁰ *Его же*. О всемирной любви. С. 263.

⁹¹ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т.2. Л.: Наука, 1972. С. 405; *Его же*. Полн. собр. соч.: Т.24. Л.: Наука, 1982. С. 61–63; *Его же*. Полн. собр. соч.: Т.25. С. 67–68.

⁹² Котельников В.А. и др. Комментарии / Леонтьев К.Н. . Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. ; под ред. В. А. Котельникова. СПб., «Владимир Даль», 2009. Т. 8, кн. 2: Публицистика 1890-1891 годов; Другие редакции, наброски, подготовительные материалы. 2009. С.1241.

⁹³ Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Изд-во «АСТ», 2004. С.189.

духе некоторые сегодняшние исследователи сводят славянское богатство «Дневника писателя» всё к той же главе, – «не замечая» того факта, что со второго номера «Дневника» (февраль 1876 г.) и до последнего (январь 1881 г.), нет практически ни одного выпуска, где Достоевский не поднимал бы темы борьбы славян за свободу и русской помощи в этой борьбе. Подобной «редактурой» Достоевского заняты, например, А.И.Щербинин и Н.Г.Щербинина, которые на основании той же самой вырванной из контекста главы превратно толкуют его славянские тезисы и цинично выдают мнение оппонентов писателя за его собственное, приходя к неправомерному выводу, что Достоевский в «Дневнике...» занят «деконструкцией славянского мира (славянской идеи)», поскольку-де она «профанировала» себя⁹⁴.

«Неблагодарность» и европейскую переориентацию *славянской интеллигенции* еще раньше К.Н.Леонтьева и идущих у него в кильватере критиков заметили славянофилы. Но у них эта критика была конструктивной, не распространявшейся на всю нацию. Так и у Достоевского, критика славян – это прежде всего критика их западнической «элиты». Но даже там, где она касается всего народа, она благожелательна, сердечна, а главное, существует в контексте всего произведения, среди огромного числа положительных отзывов о славянах, призывов к их защите. В рамках все той же главы следует ясный вывод: несмотря ни на какие заблуждения славян, России надо по-матерински оставаться с ними и готовиться вновь «обнажать за них меч»⁹⁵. Справедливо будет назвать это *братской* критикой, поскольку Достоевский никогда не переставал видеть в южных славянах братьев: «православные христиане, братья наши»; «приниженные <...> народы и братья наши на Востоке»; «угнетенные братья»; «крошечная только часть людей, где-то там в уголке, турецкая райя, о которой никто бы и не услышал ничего, если б не прокричали русские»; «в Сербии братья <...> замучены и угнетены»; «страдающие братья»; «родные наши братья»; «наши братья по вере и крови славяне»; «несчастные и угнетенные братья наши»; «распинаемые на кресте наши братья»⁹⁶ и т. д.

⁹⁴ Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского // Русин. 2018. №54. С.298.

⁹⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т.26. С. 79-80.

⁹⁶ См: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.23. С. 102,107,104,161; *Его же*. Т.24. С. 61-63; *Его же*. Т.25. С. 10-14,45,65,69.

У Леонтьева критика славян – *небратская*, встающая в длинный ряд отказа им в духовности и в самых обычных человеческих качествах, антиисторично клеймящая эти крестьянские народы как *буржуазных демократов* и *европейских либералов*: «Разве легко нам справляться с болгарами и сербами?... Справляться с ними нам иногда очень трудно... <...> мы бываем часто вынуждены и нехотя ступать нашей исполинской стопою по следу, протоптанному маленьким, но цепким копытцем юго-славян»; «Осман-паша, например, конечно выше какого-нибудь жалкого серба, который спрятался в кукурузе»; «...о сербах. Ни один из славянских народов не раздроблен так и политически и культурно»; «Они до сих пор не только не явились творцами чего-либо *ново-славянского*, но и слабыми охранителями древне-сербского, своего»; «Хотя сербы простодушнее и симпатичнее, прямее болгар, но они очень горды и заносчивы»; «монашество в свободной Сербии в упадке»; «Сербы, нечего и говорить, все демократы», стремящиеся к «буржуазной утилитарности»; «*некоторые струны*, и без того у них (особенно у сербов) слабые, могут совершенно оборваться; напр. Православное чувство, которому либеральный европеизм гораздо больше вредит, чем само католичество. Юго-славяне и без того православные весьма плохие...»; «История древне-болгарского и древне-сербского царств очень бесцветны... <...> С падением Византийского государства преклалась и их незрелая своеобразно-культурного периода государственная жизнь»; «неблагодарность либеральных болгар и сербов»; «какие-то паршивые болгары, которых как мух Россия может задавить одной лишь ступней своей»; «настоячивые хамы»; «эта столь ничтожная и несимпатичная болгарская народность»; «самый отсталый, самый последний из возродившихся славянских народов»; «волки в овечьих шкурах», «*радикальные европейцы в славянской шкуре*». И, в качестве вывода: «южному славянину... следовало бы сказать: ‘ты не горяч и не холоден, – изблюю ты из уст моих!’ Если бы ‘изблевать’ его была нам какая-то возможность...»⁹⁷.

⁹⁷ Леонтьев К.Н. Передовая статья «Варшавского Дневника» от 28 января 1880 г. // Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.66-67; Его же. Русские, греки и юго-славяне// Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1885.Т.1. С. 225-226, 230; Его же. Византизм и славянство. С. 33,

Неправота в вере «югославян», согласно Леонтьеву, имеет явный антикатолический оттенок: они «уже раз в своей истории послужили главным предметом раздора и разрыва между Римом и Византией...», – недоволен он, имея в виду, скорее всего, Ферраро-Флорентийский собор⁹⁸. Точно так же и нынешние славяне мешают сближению России и Ватикана: «Папа узник! <...> И мы, русские, молчим об этом, – вероятно, из соображений внешней политики... (опять-таки в сущности через племенной вопрос – через славянский!)»⁹⁹.

Продолжать цитации излишне; можно лишь порадоваться, что в политике и культуре России победила линия Ф.М.Достоевского, а не К.Н.Леонтьева, т.е. братско-славянофильская, а не сегрегационно-славянофобская. Вряд ли корни этой славянофобии лежали в «десятилетней жизни моей на Востоке»¹⁰⁰, в «хорошем знании» тамошних обстоятельств¹⁰¹, – ведь югославяне лично укоряли Леонтьева в «незнании заграничных славян»¹⁰². Скорее, чувство его питалось другой данностью: вековым римским рационализмом, делящим мир на «верных» и «схизматиков»; «ненавистью и презорством к иноверным», которые, как верно отмечал преп. Амвросий, неотъемлемы от «предстоятелей Римской Церкви»¹⁰³. Винават был тот неестественный гибрид, который породили в уме мыслителя симпатии к папизму и неприязнь к славянам. Действительно: никому из народов не предъявлял Леонтьев и сотой доли тех упреков, претензий, униже-

39-40, 48-49, 57-58; *Его же*. Письма отшельника//Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1885.Т.1.С. 300; *Его же*. Письма о восточных делах. С. 296; *Его же*. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. Кн. 2. С. 158,178, 205, 1210; *Его же*. Гражданин, газета политическая и литературная. 29 ноября 1887. №60. *Его же*. Волки в овечьих шкурах// Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2.С. 418.

⁹⁸ Леонтьев К.Н. Письма отшельника. С. 263.

⁹⁹ *Его же*. Национальная политика как орудие всемирной революции. М.: Типо-литография Т-ва И.Н.Кушнерев и Ко, 1889. С. 34,38.

¹⁰⁰ *Его же*. Русские, греки и юго-славяне. С. 196.

¹⁰¹ *Его же*. Т.И.Филиппов и От. Склобовский //Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.258.

¹⁰² Балканский, Твердо. СлавянствоиК.Леонтьев//В.В.РозановиК.Н.Леонтьев.Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014.С.567.

¹⁰³ Амвросий, преподобный, оптинский старец. Собрание писем блаженных памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. С. 132.

ний, как православным славянским народам, лепя из них «образ врага». Рассуждая о планировавшемся «союзе восточно-православных народов», он заявляет: «какое мне дело до того, что *всему человечеству прибавится* каких-нибудь пять-шесть лет *средней* продолжительности жизни? Мне нужны не эти *отвлеченные и никому собственно не принадлежащие* пять лет, *мне нужны мои 50 лишних и здоровых!* Так – чтобы мне жизнь сама уже наскучила бы! Этого и самый ‘любовный’ союз панславизма не даст, и ни от чего существенно-бедственного он нас не избавит...»¹⁰⁴.

Суммируя такого рода сентенции, звучавшие еще на этапе статьи «О всемирной любви», Достоевский отметил в тетради: «*Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет)*». В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо»¹⁰⁵. Леонтьев, со своей стороны, не остался в долгу и под конец жизни исключил Достоевского не только из подлинных христиан, но даже из разряда моралистов: «почти все главные действующие лица Достоевского» – «психопаты», и если «по другим писателям можно изучать нормальную жизнь; по Достоевскому можно изучать только ее психопатию...»¹⁰⁶. К сожалению, мыслитель не внял адресованной ему *морали* Достоевского, который подмечал в нем и несогласие в идеях, и банальную зависть и писал: «Разумеется, нельзя требовать, чтоб г-н Леонтьев сознался в этом печатно. Но пусть этот публицист спросит самого себя наедине с своею совестью и сознается сам себе; и сего довольно (для порядочного человека и сего довольно)»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом? М.: тип. Е.И.Погодиной, 1881. С. 28.

¹⁰⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.27. Л.: Наука, 1984. С. 51.

¹⁰⁶ Леонтьев К.Н. Записки отшельника. С. 187-188.

¹⁰⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.27. С.51.

* * *

Одним из главных дел К.Н.Леонтьева стала борьба со *славянско-православной идеей* славянофилов. В период, когда Ф.М.Достоевский отыскивал воплощение этой мировой идеи в разнообразных проявлениях народного сознания: война за братьев-славян (ставшая итоговой темой его публицистики); православный монастырь и старчество (итоговая тема его беллетристики); типажи, являющие народную правду и призыв к западной интеллигенции смириться перед народом, – Леонтьев старался развенчать эту идею с разных сторон: с религиозной (продвигая идею униатского *новоправославия* и, параллельно, отрицая традиционное Православие как духовное средоточие славян); с национально-государственной (приучая публику к неприятию славянских народов как исторических субъектов); с сословно-неравенственной (говоря о необходимости «палки» в дисциплинировании русских и славянских «простолюдинов»¹⁰⁸). Ради подобных идей и был отвергнут созданный Ф.М.Достоевским идеал близкого к народу *православного старца Зосимы* и нарисован свой – *аристократический и рыцарственный «старец старцев», «Св. отец – преемник Петра», положительный «Великий Инквизитор»*. Единомысленный со своим персонажем, К.Н.Леонтьев до самой смерти не оскудевал в борьбе с православной «всечеловечностью» и славянами как ее зачинателями.

Кто же оказался прозорливее в «споре» и чьи пророчества сбылись? Едва ли можно говорить об исполнении основных прорицаний Леонтьева, согласно которым долголетие Турецкой империи обязано было продлиться благодаря ее, якобы, великолепному отношению к христианским народам, а также незрелости этих народов для собственной государственной судьбы. Или о схожих провозглашениях о «*долгом, очень долгом сохранении Австрии*» – что опять-таки, по Леонтьеву, призвано было воспрепятствовать «слишком быстрому разрешению всеславянского вопроса»¹⁰⁹. Непросто всерьез рассматривать и *церковные* прорицания Леонтьева, со-

¹⁰⁸ Леонтьев К.Н. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни. С. 24; *Его же*. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8, кн. 2. С. 177.

¹⁰⁹ *Его же*. Национальная политика как орудие всемирной революции. С.45.

гласно которым новые гонители на Православие (дабы возродить в нем мученичество), должны явиться из «нигилистов, достигших высшей власти по пути, уготованному им этой самой либеральной, Славяно-Русской Церковью», которую проповедовали «Хомяков, Самарин, Аксаков», развивавшие Церковь в «национально-протестантскую сторону»¹¹⁰. Подобные «пророчества» выглядят сегодня откровенным абсурдом. Никакой новой «либеральной славянской церкви» не создано; гонители же Православия в двадцатом и двадцать первом веках, как и ранее в истории, явились из недр церкви католической.

Напротив, славянские пророчества Достоевского оказались жизненными и подтвердились историей. Последнее из них, прозвучавшее в «Дневнике писателя», было пророчеством о падении Австрии и освобождении австрийских славян. Сбылось не только оно - история подтвердила практически все прогнозы писателя, в частности, о том, что Турция перестанет существовать как империя и европейское государство, что славянские народы, жившие под ее гнетом, получают собственную государственность; что «мы именно в теперешней же войне, и докажем всю нашу идею о будущем предназначении России в Европе, именно тем докажем, что, освободив славянские земли, не приобретем из них себе ни клочка». В обеих мировых войнах получил историческую реализацию и славянско-оборонительный принцип Достоевского, уже упоминавшийся выше: Россия должна быть готовой «всегда обнажить меч на тех, которые посягнут на их свободу и национальность». Она должна находиться рядом со славянами, «мирить их, вразумлять их»¹¹¹. В известной мере сбылся прогноз о «Восточном союзе», воплотившись в форме Варшавского договора. Созданный на далекой от Православия основе, Варшавский пакт все же настолько соответствовал славянофильской антизападной и прославянской концепции, что Запад приложил все усилия для его раскола. Однако православный удел в Европе все же расширился и «возрожденное восточное христианство» заняло в ней подобающее место: помимо православных Сербии,

¹¹⁰ Его же. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. Кн. 2. С.166.

¹¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т.26. С. 80-81.

Черногории, Болгарии, Румынии, Греции, в основной массе вернулись от униатства к вере предков русины в Закарпатской Украине и Словакии; тот же процесс произошел с белорусами; образовалась автокефальная Польская Православная Церковь (1948 г.), Чехословацкая Православная Церковь (1951 г.).

В югославской науке принято считать, что Достоевский с его «Дневником писателя» стал ««одним из факторов, освободивших Балканы»¹¹². О верности геополитических предвидений Достоевского неоднократно писали южнославянские ученые, в том числе православные святые, – св.Николай (Велимирович) и св.Иустин (Попович). И хотя некоторые современные российские исследователи уверены, что Достоевский в «Дневнике» «не расшифровывает» своей славянской идеи¹¹³, Св.Иустин (Попович) высказывал иное мнение: «В славянском мире Достоевский – самый великий пророк и самый ревностный апостол Всеславянства, – указывал он. – Славянская идея является одним из главных его пророчеств и главных благовестований. Богочеловеческий дух Православия нельзя втиснуть в узкие рамки национализма, поскольку всечеловеческим содержанием своим он тяготеет ко всеобщему единению людей Христом и во Христе. Национализм, освященный и просвещенный Богочеловеком Христом, становится евангельским переходом ко Христову Всечеловечеству. Только будучи освящено и просвещено Христом, славянство получает свое непреходящее значение в истории мира и через всеславянство ведет ко всечеловечеству»¹¹⁴.

Св. Николай, а за ним св. Иустин касались и художественных образов Достоевского, в частности образа старца Зосимы, которого относили к «христотипичным героям Достоевского» и без всяких оговорок многократно цитировали – как действительно существующего православного стар-

¹¹² Бабовић М. Достоевски код Срба. Титоград: Графички завод, 1961. С.252.

¹¹³ Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского // Русин. 2018. №54. С.296.

¹¹⁴ Поповић, Јустин, Сп. Достоевски о Европи и Словенству /Издаје Манастир Ћелије код Ваљева, Београд: ГРО „Просвета“, 1981. С. 328.

ца¹¹⁵. О неувыдаемости образов «Братьев Карамазовых» свидетельствует и инославная культурная среда. Достаточно упомянуть неоднократные сценические постановки «Поэмы о Великом Инквизиторе» и ее автономные печатные издания на английском языке.

В целом, *читательский интерес* как неумолимая (хотя далеко не единственная) оценка многое расставляет на свои места. Ф.М.Достоевский (воспользуемся мнением св. Иустина) и сегодня «со-вечен»¹¹⁶, то есть при всех исторических поворотах, при самых разных властях, со всеми неудобными кому-то идеями – остается популярнейшим писателем, идеалом для подражания мировых классиков, объектом многих тысяч исследований. Фигуру К.Н.Леонтьев и при жизни и после нее отличает непопулярность, которую его ученики характеризовали как с «литературную судьбу <...> трагичную до ужаса»¹¹⁷, всерьез числя это «колдовством природы»¹¹⁸. Действительно, К.Н.Леонтьев, при всем его желании стать «генералом в литературе»¹¹⁹, на сегодняшний день в большинстве мировых культур или неизвестен вообще, или известен *через Достоевского*, – как один из его критиков.

¹¹⁵ Поповић, Јустин, Сп. Достојевски о Европи и Словенству. С. 242-243, 248, 254, 257-258; Велимировић Н. Ниче и Достојевски // Дело. Београд, 1912. Књ. 62. С. 343.

¹¹⁶ Поповић, Јустин. Указ. соч., С. 9.

¹¹⁷ Фудель И.И. От издателей. С.3-4.

¹¹⁸ Розанов В.В./ <Комментарии>/Леонтьев К.Н. Письма к В.В.Розанову //В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.77, 79.

¹¹⁹ Губастов К.А. Из личных воспоминаний о К.Н.Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева + 1891. Литературный сборник. СПб: Типография «Сириус», 1911. С. 212.

Литература и источники

- Аггеев Константин, священник. *Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н.Леонтьевым понимания христианства*. Киев: Типография «Петр Барский», 1909. 333 с.
- Амвросий, преподобный, оптинский старец. *Собрание писем блаженных памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам*. Часть 1. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни, Москва, Тип. А.П.Коркина, 1906. 223 с.
- Антоний Храповицкий, митрополит. *Как относится служение общественному благу к заботе о спасении своей собственной души?* // Полное собрание сочинений: В 3 т. Издание 2-е. С.-Петербург, Издание И.Л.Тузова, 1911. Т.2. С.495-538.
- Антоний Храповицкий, митрополит. *В день памяти Достоевского* // Ф. М. Достоевский и Православие. М.: Изд-во «Отчий дом», 1997. С. 45-53.
- А.С. «А.П.Саломон». Что такое старчество // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. *Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники»*. Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.445-449.
- Балканский, Твердко. *Славянство и К.Леонтьев* // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. *Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники»*. Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.565-571.
- Беловолов Геннадий, протоиерей. *Достоевский и Оптина Пустынь* // <https://Pravoslavie.ru/100899.html> 30.03.2021.
- Библия, или книги Священного Писания Ветхого или Нового Завета, в русском переводе*. М.: Православное Братство святых князей Бориса и Глеба, 2003. 1272 с.
- Гражданин, газета политическая и литературная*. 29 ноября 1887. №60.
- Гражданин, газета политическая и литературная*. 11 апреля 1888. №102.
- Гражданин, газета политическая и литературная*. 16 апреля 1888. №107.
- Гражданин, газета политическая и литературная*. 21 апреля 1888. №112.
- Гражданин, газета политическая и литературная*. 1 мая 1888. №120.
- Григорьев Д. Д., протоиерей. *Достоевский и церковь*. М.: Изд-во Правосл. Св.-Тихон. богосл. ин-та, 2002. 175 с.

Губастов К.А. *Из личных воспоминаний о К.Н.Леонтьеве* // Памяти Константина Николаевича Леонтьева + 1891. Литературный сборник. СПб: Типография «Сириус», 1911. С. 185-234.

Дмитриев А.П., Дядичев В.Н., Иванова Е.В., Кремнев Г.Б. Примечания. Тетради с наклейками: <Преамбула> // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.162-177; 309-323.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.2. Л.: Наука, 1972. 527 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.14. Л.: Наука, 1976. 511 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.23. Л.: Наука, 1981. 423 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.24. Л.: Наука, 1982. 518 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.25. Л.: Наука, 1983. 470 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.26. Л.: Наука, 1984. 518 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.27. Л.: Наука, 1984. 463 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.29(1). Л.: Наука, 1986. 574 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.30(1). Л.: Наука, 1988. 456 с.

Дунаев М. М. *Православие и русская литература*. В 5-ти частях. Ч.3. М.: Христианская литература, 1997. 576 с.

Захаров В.Н. *Из забытых мемуаров*. П.Матвеев о Ф.Достоевском, Н.Страхове, Л.Толстом// Неизвестный Достоевский [Электронный ресурс] : международный электронный журнал. 2016. № 1. С.58-70.

Илюнина Л.А. *Оптина пустынь – обитель вдохновения*. СПб.: «Контраст», 2015, 87 стр.

Илюнина Л. А. Прп. Амвросий Оптинский – духовник Константина Леонтьева // https://ruskline.ru/analitika/2005/10/22/prp_amvrosij_optinskij_-_duhovnik_konstantina_leont_eva 10.07.2020.

Капилупи, С. М. «Трагический оптимизм» христианства и проблема спасения: Ф. М. Достоевский. СПб.: Алетейя, 2013. 288 с.

Котельников В.А. и др. Комментарии / Леонтьев К.Н. *Полное собрание сочинений и писем*: в 12 т.; под ред. В. А. Котельникова. СПб., «Владимир Даль», 2009. Т. 8, кн. 2. С.753-1343.

Леонтьев К.Н. *Византизм и славянство*. М., Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, Университетская типография. 1876. 132 с.

- Леонтьев К.Н. *Православный немец*. Оптинский иеромонах отец Климент (Зедергольм). Варшава: тип. Ивана Котти. 1880. 76 с.
- Леонтьев К.Н. *Как надо понимать сближение с народом?* М.: тип. Е.И.Погодиной, 1881. 29 с.
- Леонтьев К.Н. *Письма о восточных делах* // Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1885. Т.1. С.279-312.
- Леонтьев К.Н. *Письма отшельника*//Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1885.Т.1. С.261-278.
- Леонтьев К.Н. *Русские, греки и юго-славяне*// Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1885.Т.1. С. 193-236.
- Леонтьев К.Н. *Панславизм на Афоне* // Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1885.Т.1. С.32-75.
- Леонтьев К.Н. *Передовая статья «Варшавского Дневника»* от 28 января 1880 г. //Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.60-67.
- Леонтьев К.Н. *Православие и Католицизм в Польше* // Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.177-185.
- Леонтьев К.Н. *Письмо к П.Е.Астафьеву* //Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С. 235-241.
- Леонтьев К.Н. *«Перелом» Б.М.Маркевича* //Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.241-248.
- Леонтьев К.Н. *Т.И.Филиппов и От. Склобовский* //Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.250-264.
- Леонтьев К.Н. *Епископ Никанор (о вреде железных дорог, пара и вообще об опасности слишком быстрого движения жизни)*//Восток, Россия и славянство. М., Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.387-394.
- Леонтьев К.Н. *Свобода проповеди* //Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.408-411.
- Леонтьев К.Н. *Волки в овечьих шкурах*//Восток, Россия и славянство. М.: Типо-литография И.Н.Кушнерова и Ко, 1886.Т.2. С.418-420.
- Леонтьев К.Н. *Национальная политика как орудие всемирной революции*, М.: Типо-литография Т-ва И.Н.Кушнерев и Ко, 1889. 50 с.
- Леонтьев К.Н. *О Владимире Соловьеве и эстетике жизни (по двум письмам)*. М.: Творческая мысль, 1912. 41 с.
- Леонтьев К.Н. *Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике* // Ф. М. Достоевский и Православие. М.: Изд-во «Отчий дом», 1997. С. 261–297.

- Леонтьев К.Н. *Полное собрание сочинений и писем*: в 12 т.; под ред. В. А. Котельникова. СПб., «Владимир Даль», 2003. Т. 6. Кн. 1. 818 с.
- Леонтьев К.Н. *Записки отшельника*. М.: Изд-во «АСТ», 2004. 240 с.
- Леонтьев К.Н. *Полное собрание сочинений и писем*: в 12 т.; под ред. В. А. Котельникова. СПб., «Владимир Даль», 2009. Т. 8, кн. 2. 1406 с.
- Леонтьев К.Н. *Переписка К.Н.Леонтьева и И.И.Фуделя // «Преемство от отцов»*: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель. Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб.: Владимир Даль, 2012. 750 с. (Приложение к Полному собранию сочинений и писем К.Н.Леонтьева: в 12 т. Кн.1). С.61-330.
- Леонтьев К.Н. *Письма к В.В.Розанову // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев*. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.73-153.
- Леонтьев К.Н. <Комментарий> / Фед. Гиляров. *Дневник: новое сочинение К.Н.Леонтьева // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев*. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии / Сост. Е.В.Ивановой. СПб.: Росток, 2014. – 1182 с. С.450-453.
- Леонтьев К.Н. *Ошибка г.Астафьева // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев*. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.706-723.
- Леонтьев К.Н. *Письма к К.А.Губастову // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев*. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.975-979.
- Леонтьев К.Н. Оптинский старец Амвросий: Из письма к редактору «Гражданина» // <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-publicism/431470-3-konstantin-leontev-optinskiy-starets-amvrosiy-iz-pisma-k-redaktoru-grazhdanina.html#book08.08.2021>.
- Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854-1891) // <https://litlife.club/books/285670/read?page=56> 10.09.2021.
- <Леонтьева М.В.>. *Женщина – женщине о новой книге // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев*. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.578-581.

- Лесков Н.С. *Граф Л.Н.Толстой и Ф.М.Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)* // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. С.453-477.
- Митрофанов Г.Н., протоиерей // <https://slovo-bogoslova.ru/theology/religioznofilosofskie-vozzreniya-k-n/> 18.09.2020.
- Над, Б. *Будущее славянской цивилизации* // Славяне. Журнал международной славянской академии. 2020. №1(16). С.49-54.
- Памяти Ф.М.Достоевского. Внутренние известия. Местные. Из Козельска, Калужской губ., 5 февраля. // Современные известия. 9 февраля 1881. №39.
- Прийма И.Ф. Славянская идея в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского. СПб, ИПК «Береста», 2020. 333 с.
- Прийма И.Ф. Диккенсовская канва в романе Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Научный журнал. 2020. Том 13. Вып.6. С.55-70.
- Прийма И.Ф. Славянская идея в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского. СПб.: ИПК «Береста», 2020. 333 с.
- Прийма И.Ф. *Духовно-политические искания К.Н.Леонтьева*. СПб.: ИПК «Береста», 2022. 416 с.
- Розанов В.В. / <Комментарии>/Леонтьев К.Н. *Письма к В.В.Розанову* // В.В.Розанов и К.Н.Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н.Леонтьеве. Комментарии / Сост. Е.В.Ивановой. СПб.: Росток, 2014. С.73-153.
- Симаков Н. К. Вступление // Прп. Иустин (Попович). Тайна России и славянства. СПб., 1997. С. 3–6.
- Тихомиров Л.А. *Тени прошлого. К.Н.Леонтьев* // Константин Леонтьев: pro et contra. Книга 2 / Сост., послесловие А.А.Королькова, сост., примеч., прил. А.П.Козырева. СПб.: РХГИ, 1995. 704 с. С.6-28.
- Фетисенко О.Л. *Окрест Оптиной. Достоевский. Материалы и исследования*. СПб, «Наука», 2005. Т.17. С.145-161.
- Фетисенко О.Л. «Ревнители охранения обуреваемых святынь». О переписке К. Н. Леонтьева и Т.И.Филиппова // Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891). СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2012. С.5-68.
- Фудель И.И. *От издателей; Примечание* // К.Н.Леонтьев. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни (по двум письмам), М., «Творческая мысль», 1912. С.3-7.

- Чаадаев П.Я. *Философические письма: Статьи. Афоризмы. Письма; комментарии и послесловие Б.Н.Тарасова*. М.: Эксмо, 2006. 544 с.
- Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. *Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского* // Русин. 2018. №54. С.292-302.
- Бабовић М. *Достојевски код Срба*. Титоград: Графички завод, 1961. 523 с.
- Дакић, С. Леонтјев: *Православље као извор надахнућа за устројство државе и груштва*. <https://naukaikultura.com/leontjev-pravoslavlje-kaao-izvor-nadahnuca-za-ustrojstvo-drzave-i-drustva/> 22.05.2021.
- Поповић Ј. Сп. *Философија и религија Ф. М. Достоевскога*. Сремски Карловци, 1923.
- Поповић, Јустин, Сп. *Достојевски о Европи и Словенству* /Издаје Манастир Ћелије код Ваљева. Београд: ГРО „Просвета“, 1981.
- Dostojevski u političkim spisima* // *Savremenik*. Zagreb, 1911. S. 516–520, 578–585, 646–651, 701–705.

Ivan F. Priima

K.N.LEONTIEV AND F.M.DOSTOYEVSKY:
A DISCUSSION ON FAITH AND THE ORTHODOX SLAVS

Summary: *The article carefully sorts out the main subjects of discussion between K.N. Leontiev and F.M. Dostoyevsky. Lasting many years, it showed a principled disagreement between the two “church” writers over Orthodox-Catholic and Slavophile-Westernizing issues. Dostoyevsky’s broad Orthodox and antipapal preaching, images of the elders (staretzes) in his works, as well as his attitude to the Orthodox Slavs and their historical destiny led to Leontiev’s formulating his clearer criticism on the matter.*

Keywords: *F.M. Dostoyevsky, K.N. Leontiev, Saint Ambrose of Optina, Grand Inquisitor, New Orthodoxy, Uniatism, Slavs, Slavophiles*